
**«Прения должны быть гильотинированы»:
съезды советов госпланов СССР
и проблема выбора пути развития**

Михаил Фельдман

**«The debate must be guillotined»:
Soviet state planning congresses
and the problem of choosing the path of development**

Mikhail Feldman

*(Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S086956870012190-0

Материалы пяти съездов советов (президиумов) госпланов СССР (представителей союзного Госплана и ВСНХ, работников плановых комиссий союзных и автономных республик, крупнейших областей), прошедших в 1926—1929 гг., никогда не относились к разряду закрытых источников. Работа съездов (кроме четвёртого) освещалась в экономических журналах (с предсказуемым убыванием обзорной информации от съезда к съезду), «Торгово-промышленной газете» и «Экономической газете». Стенографические отчёты первого и пятого съездов изданы отдельными тиражами¹. Съезды не обделены вниманием историков ни в советское², ни в постсоветское время³. Тезис о последовательном углублении экономической теории и народнохозяйственного планирования в 1920-е гг. прочно вошёл в историческую литературу, хотя в последние три десятилетия стали известны многочисленные факты необоснованных гонений на выдающихся учёных-экономистов в конце нэпа⁴. Вместе с тем приходится констатировать, что описание происходившего на съездах сводится к освещению совокупности отдельных фрагментов, мало связанных одним историческим процессом.

Это обусловило постановку цели данной статьи: выяснение места и роли материалов пятого съезда советов госпланов СССР (7—14 марта 1929 г.) как в дискуссии советских экономистов второй половины 1920-х гг., так и в сложной эволюции общественной жизни на переходе от одного этапа советской истории, связанного с нэпом и авторитарным правлением, к другому — директивно управляемой экономике и тоталитарному государству.

© 2020 г. М.А. Фельдман

¹ Проблемы планирования: итоги и перспективы (Стенографический отчёт первого съезда президиумов госпланов СССР и госпланов союзных республик). М., 1926; Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов). М., 1929.

² См., например: *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. М., 1974; *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М., 1979.

³ *Рогачевская Л.С.* Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 319—328; *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924—1928. М., 2010.

⁴ Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Статьи и современный комментарий / Сост. Э.Б. Корицкий. Л., 1989; *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

Материалы пятого съезда в сопоставлении со сведениями о работе предшествующих съездов позволяют сделать вывод об изменении состава выступающих; содержании их докладов; культуре дискуссии; методах планирования; выборе пути экономического развития. Становится более понятным, как экономисты рассматривали будущее советской экономики. Но наряду с этим важное и непреходящее заключается в том, какое влияние идеи и взгляды, документальные разработки, прозвучавшие на съезде, оказали на формирование первого пятилетнего плана, последующее развитие экономической теории и практики.

Госплан СССР представлял собой уникальный орган в аппарате управления в силу его нацеленности на научное прогнозирование и планирование. К его работе оказалось привлечено немало видных учёных и инженеров, экономистов, как правило, с дореволюционным стажем. В середине 1920-х гг. это было единственное советское учреждение, в котором более 60% сотрудников имели высшее образование⁵. При раздвоенности векторов развития большевизма и советского государства — рационально-технократического и утопического⁶ — Госплан объективно становился лидером первого направления и объектом критики приверженцев второго.

Каждый из съездов советов (президиумов) госпланов СССР оставил след в развитии практики и теории планирования. Первый в марте 1926 г. рассмотрел перспективную ориентировку Госплана СССР на ближайшие пять лет. Второй (март 1927 г.) одобрил второй вариант пятилетки Госплана. Третий (март 1928 г.) утвердил методологию разработки первого пятилетнего плана. Четвёртый — сведения о нём минимальны — проанализировал контрольные цифры на 1928/29 хозяйственный год. Пятый съезд должен был представить окончательный вариант первого пятилетнего плана⁷.

Ни истерия «военной угрозы», ни сталинский «ультралевый поворот» политического курса с декабря 1927 г.⁸ не изменили направленности действий госплановцев во главе с Г.М. Кржижановским. Специалисты ориентировались на эффективное участие в мировом разделении труда; с уважением относились к оценке достижений зарубежных государств в области реализации идеи предвидения, планомерности⁹. Трудно сказать, насколько они понимали, что «военная истерия» носит искусственный характер. Ситуация в мире была такова, «что реальной опасности войны не существовало вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г., а реальное нападение произошло ещё восемь лет спустя»¹⁰. Курс на развитие многоукладной экономики, сохранение взаимовыгодных отношений с западными странами выразился в ряде вариантов первого пятилетнего плана.

Так, в одобренных вторым съездом госпланов «Перспективах развёртывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану)» звучало следующее: «Дальнейшие крупные, исторически-решающие сдвиги в области обобществления будут воз-

⁵ Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 111.

⁶ Булдаков В.П. Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 160, 162.

⁷ Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 143.

⁸ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016. С. 150—158.

⁹ Каким быть плану... С. 11.

¹⁰ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР... С. 183.

можно лишь после того, как в народном хозяйстве образуются новые материально-производственные предпосылки обобществления». Более того, это стратегическое положение недвусмысленно уточнялось: «В ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой... нет смысла форсировать обобществление». У госплановцев не вызвала сомнений адекватность экономической модели нэпа для задач индустриализации. Тревогу вызывало не наличие частного сектора в экономике, а неэффективное функционирование государственного сектора, в системе управления которого присутствовали «уродливые явления». Поэтому необходимо было провести «определённую перезагрузку частного капитала, вытесняя его из тех позиций, в которых он вредит социалистическому хозяйству, и переводя его в те области, где он может быть полезным социалистическому сектору». Столь же определённо авторы «Перспектив» обозначили свою позицию и в отношении сельского хозяйства: «Продукция совхозов и колхозов играет во всём сельском хозяйстве такую незначительную роль, что изменение её удельного веса за пятилетие может выразиться в совершенно непоказательных величинах»¹¹.

В 1927 г. такие взгляды ещё могли звучать открыто: курс на сохранение нэпа совпадал с решениями XV съезда ВКП(б). Проблема заключалась в том, что развитие экономики ставило всё более сложные вопросы. Растущие запросы промышленности требовали капиталовложений. «Нам нужен внешний кредит на 1,5 млрд руб. ... Можем рассчитывать только на 700 млн руб.», — говорил Кржижановский на ноябрьском пленуме (1928) ЦК¹².

Проблема поиска недостающих средств казалась неразрешимой. И самый простой вариант многим большевикам представлялся в форме изъятия «излишков» средств у зажиточной части крестьянства и кустарей¹³. Именно поэтому главная претензия ортодоксов заключалась в том, что «ни в одном варианте пятилетки Госплана не была поставлена задача абсолютного сокращения частного капитала в промышленности»¹⁴. Конечно, статья И.А. Гладкова, где содержалось приведённое выше суждение, вышла в свет в 1935 г., т.е. спустя годы после описываемых событий, но — «большое видится на расстоянии» — автор точно передал и антинэповский вектор устремлений сталинской фракции, и её же нацеленность на «стерильно чистый социализм», базирующийся исключительно на госсекторе.

Выполняя поручение Сталина, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) разработал к XV съезду ВКП(б) (декабрь 1927 г.) свой вариант пятилетнего плана — «Контрольные цифры развития промышленности СССР на 1927/28—1931/32 гг.». В нём темпы роста промышленности за пятилетку более чем в два раза превышали намеченные Госпланом¹⁵. Выбор ВСНХ в качестве главного орудия борьбы со сторонниками многоукладной экономики не случаен: к середине 1920-х гг. именно в его в структурах наметилась линия на возрождение

¹¹ Перспективы развёртывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927. С. 45—47.

¹² Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг. В 5 т. Т. 3. М., 2000. С. 54—55.

¹³ *Лацис О.Г.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 91.

¹⁴ *Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 115.

¹⁵ Там же. С. 114.

отраслевого управления и главков, заслужившая даже в советской историографии справедливый упрек в «неоправданной централизации управления»¹⁶.

Одновременно сообщество экономистов оказалось искусственно поделено на «настоящих советских учёных, выступающих за создание предпосылок, позволяющих развивать производительные силы в сторону социализма», и группу экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер» (Н.Д. Кондратьев, В.А. Базаров, А.М. Гинзбург, В.Г. Громан и др.)¹⁷. Показательно обвинение Базарову — «возможно, самому разностороннему экономисту своего времени»¹⁸, — предъявлявшееся в исторической литературе советского времени: «Он игнорировал важную качественную черту, отделяющую капиталистическое и социалистическое общество — обобществление средств производства». Приоритет формы над содержанием (в данном случае — степени национализации над эффективностью производства) очевиден, но здравый смысл отступает там, где форма подкрепляется идеологической поддержкой со стороны власти. В случае с Базаровым сохранение товарно-денежных отношений и многоукладной экономики превращалось в «социальное зло», а призывы к учёту требований рынка оборачивались нападками на учёного за «стремление перенести действие законов капиталистического развития в условия советского хозяйства переходного периода»¹⁹.

Выскажу предположение, что наибольшее неудовольствие партийных лидеров Базаров вызвал тем, что говорил о необходимости чёткого определения цели: чем будет характеризоваться советская экономика через 10—15 лет? Ни Маркс, ни Ленин не оставили какого-либо конкретного представления об обществе будущего. Руководители ВКП(б), вовлечённые в многолетнюю внутрипартийную борьбу, вопросы долгосрочного планирования и прогнозирования откладывали на более благоприятное время.

Учёный осмелился сделать свой прогноз. «Общество будущего» к началу 1940-х гг. должно характеризоваться, прежде всего, преодолением отсталости в сравнении со всеми сторонами жизни развитых капиталистических стран. Электрификация отраслей народного хозяйства и экономическое районирование могут сблизить технические и технологические показатели промышленности и сельского хозяйства СССР и США. Ускоренная (но не форсированная) индустриализация не должна осуществляться за счёт «уплотнения рабочего дня». Вместо радужных, но фантастических картин «близкого социализма» Базаров фактически писал о решении задач раннеиндустриальной модернизации, честно предупреждая о трудности этого пути, в частности о невозможности выбора оптимального варианта развития без использования математических методов (вариационного исчисления)²⁰.

Примечательно, что в 1974 г., продолжая и развивая многолетнюю традицию негативной оценки взглядов Базарова, А.М. Белянова подметила, что «никто из участников дискуссии не выступил с критикой существа разработанных математических формул, никто не доказал их неправильность или неправо-

¹⁶ *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 133.

¹⁷ *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 23, 28, 29.

¹⁸ *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов... С. 42—43.

¹⁹ *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 30.

²⁰ *Базаров В.А.* О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9—21.

мерность». Более того, «ссылаясь на сложность математических формул... критики широкого применения математического аппарата тем самым отказались от всякой попытки работать над совершенствованием методологии. Не было осмыслено, что главное в ней не сам математический аппарат, а сама форма созданной модели: попытка представить общественное производство, служащее удовлетворению потребностей трудящихся»²¹.

Этот вывод можно было бы признать блестящим, если бы он не противоречил основному содержанию книги — критике экономистов с «буржуазными взглядами». Но выделю главное: сложность математических формул оказалась неподвластна не только части экономистов-современников Базарова, зачастую не имевших высшего образования, но и советским руководителям. Научный путь страны предполагал тесное взаимодействие с учёными и специалистами. Альтернативой оказалась ставка на импровизацию и опасные эксперименты.

Третий и четвертый съезды президиумов госпланов характеризовались медленным отступлением команды Кржижановского с прежних позиций. Так, перед третьим съездом все подготовительные материалы прошли проработку в секретариате ЦК ВКП(б)²². Казалось бы, барьер идеологической цензуры остался позади, и в резолюции съезда подчёркивалось: «После трех вариантов пятилетнего плана... вопросы пятилетнего плана перестали быть дискуссионными... В результате многолетнего опыта плановой работы мы, наконец, имеем создавшийся в процессе работы единый методологический фронт плановых работников по пятилетке... Разногласия в методологии построения пятилетнего перспективного плана в основном остались позади»²³. Однако радость оказалась преждевременной. Сталин и его сторонники рассматривали социально-экономическое развитие страны с точки зрения «жизни в осаждённой крепости». «Директива в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран превращается в категорический императив», — заявил руководитель ВСНХ В.В. Куйбышев на VIII Всесоюзном съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.)²⁴.

7 мая 1928 г. президиум Госплана утвердил Директивы ВСНХ СССР по составлению перспективного плана промышленности («далеко отступившие от установок союзного Госплана», включившие как обоснованные, так и необоснованные пожелания и требования ведомств). При этом оказались отброшены критические замечания госплановцев в неподкреплённости плановых заданий необходимыми ресурсами. Очевидно, что подобное «продавливание» стало возможным только при активной поддержке партийного руководства. Попытка руководства Госплана в августе того же года вернуться к сбалансированному варианту пятилетнего плана натолкнулась сначала на упорное сопротивление представителей ВСНХ, а в ноябре — на прямое указание пленума ЦК «вести политику индустриализации возрастающими темпами» в духе проекта ВСНХ²⁵.

Впрочем, руководители Госплана могли опереться на решения июльско-го (1928) пленума ЦК ВКП(б), осудившего «чрезвычайные меры» в сельском

²¹ *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 171.

²² Там же. С. 215.

²³ Индустриализация СССР. 1926—1941 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 290.

²⁴ Там же. С. 310.

²⁵ *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 215, 219, 226, 230.

хозяйстве²⁶, и близкие к ним по духу постановления СНК СССР²⁷, подтверждавшие принципы нэпа в экономическом развитии страны. Об эволюции взглядов части партийной элиты свидетельствует выступление члена Политбюро ЦК, руководителя ВЦСПС М.П. Томского на июльском пленуме ЦК: «Я боюсь вот чего — все мы за нэп, но немножко веет от некоторых речей таким душком: хорошо, если бы этот нэп был, но без нэпманов, без кулаков и без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп. Но позвольте вам сказать, что это был бы не нэп... такого нэпа в природе не дано»²⁸.

Очевидное раздвоение идеологии и практики, вытекавшее из составлявших марксизм уже упомянутых рационально-технократической и утопической тенденций, в той или иной форме, в различных сочетаниях пронизывало всю советскую историю. Следует напомнить: и ноябрьский пленум ЦК стал полем борьбы сторонников и противников нэпа (зачастую в скрытой форме²⁹), опровергая мнения ряда историков о бесперспективности нэпа в теории и практике хозяйствования. В такой обстановке становится понятно, почему руководство Госплана не выполнило директив и весь декабрь 1928 г. отстаивало прежнюю позицию. В новый год Госплан входил с проектом пятилетнего плана, вобравшим весь опыт и методологию трёхлетних научных обсуждений, отвергавшим явно завышенные прогнозы ВСНХ. На заседаниях президиума Госплана 29 декабря 1928 г. и 5 января 1929 г. возникла острая дискуссия, в ходе которой специалисты Госплана доказывали, что расчёты ВСНХ «не имеют экономической обоснованности». В свою очередь ВСНХ в очередной раз увеличил контрольные цифры на пятилетку (примерно на треть). Показательно, что и в советской историографии отмечалось, что «задания контрольных цифр проекта ВСНХ по ряду важнейших позиций были сбалансированы искусственно в надежде на использование внутренних ресурсов промышленности»³⁰. Но именно за это и критиковали «оптимальный вариант пятилетнего плана ВСНХ» те учёные, кого партийная печать называла «буржуазными специалистами».

На рубеже 1928—1929 гг. Госплан и ВСНХ стремились заручиться дополнительной поддержкой. С этой целью Госплан и соответствующие наркоматы провели ряд отраслевых конференций с участием представителей науки и практических работников с целью «уточнения перспективных планов и использования в них важнейших достижений науки и техники». Они сыграли важную роль в технико-экономическом обосновании плановых заданий³¹. Со своей стороны глава ВСНХ Куйбышев на VIII съезде профсоюзов представил «оптимальный вариант» пятилетнего плана как официальный документ и заручился поддержкой профсоюзов. Это был беспроигрышный ход: профсоюзные лидеры, входившие в состав парткомов различных уровней, потребовали «ускорения развития ведущих отраслей и вытеснения частного сектора из экономики». В начале 1929 г. крупнейшие отраслевые профсоюзы официально заявили о необходимости ещё более высоких темпов³².

²⁶ Как ломали нэп... Т. 2. М., 2000. С. 12, 15.

²⁷ Там же. Т. 3. С. 5.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 426.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 5—28.

³⁰ Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 231, 233.

³¹ История социалистической экономики. В 7 т. Т. 3. М., 1977. С. 18.

³² Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 233, 240.

Согласование проектов Госплана и ВСНХ проходило в явно неравных условиях. 21 января 1929 г. СНК, несмотря на резкие возражения Кржижановского, под давлением Сталина поддержал вариант ВСНХ. Доводы учёных о несбалансированности «оптимального варианта», о том, что многие его элементы экономически не обоснованы, проигнорировали³³. Затем партийное руководство выразило отношение к «упрямству» специалистов Госплана отказом рассматривать их предложения по подготовке Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 10—15 лет как в центре, так и на местах. Такое отношение объяснялось «отсутствием единства среди специалистов», «абстрактностью гипотез»³⁴.

Между тем в 1926—1928 гг. деятельность Госплана в области долгосрочного планирования считалась наиболее важной, поскольку Генплан рассматривался как «экономическая программа реконструкции всего народного хозяйства СССР... и экономический план нашего движения к социализму»³⁵. В советской исторической литературе отмечались его многогранность, «богатство накопленного материала, глубина постановки проблем. Были выработаны основные идеи перспективного долгосрочного плана развития народного хозяйства»³⁶. Работы по составлению плана по инерции продолжались до 1933 г., но подготовленные материалы пошли только в ведомственный архив³⁷. Признать надуманность и ошибочность партийного решения советскому историку было крайне затруднительно. Но в косвенной форме всё же констатировалось: «В результате практика планирования на целое десятилетие до конца 30-х гг. сосредоточилась на разработке и реализации краткосрочных планов развития, методология которых также нуждалась в совершенствовании». Более того, «создание экономико-математических моделей было предано забвению. Теоретическая, методологическая сторона “рабочей гипотезы” Ковалевского была не понята большинством экономистов и подверглась критике. Те кто в корне отвергал методологию Ковалевского, ничего взамен предложить не могли»³⁸. Как видно, в основе санкций лежала методологическая неосведомлённость многих партийных лидеров. В такой напряжённой обстановке в марте 1929 г. начал работу пятый съезд советов госпланов СССР.

Его документы³⁹ открываются «Предисловием» Кржижановского. Руководитель Госплана СССР, ответственный редактор большинства его трудов 1920-х гг., он пережил жесточайшую критику ряда своих коллег по ведомству и его печатному органу — журналу «Плановое хозяйство»⁴⁰.

Время между ноябрьским (1928) и апрельским (1929) пленумами ЦК ВКП(б) стало периодом ожесточённых дискуссий приверженцев и противников нэпа. Чем дальше, тем ощутимее становилось превосходство последних,

³³ Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 323.

³⁴ Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. С. 170.

³⁵ Ковалевский Н.А. Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 8—9.

³⁶ Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. С. 170.

³⁷ Иголкин А.А. Нефтяная политика СССР в 1928—1940 гг. М., 2005. С. 46.

³⁸ Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. С. 171—172.

³⁹ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие...

⁴⁰ Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7, 8; Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М., 1927. Быстрота, с которой статьи Струмилины в журнале «Плановое хозяйство» были напечатаны отдельным изданием, позволяет предположить использование административного ресурса.

использовавших в полной мере как подтасовку фактов, демагогию и прямой обман, так и антикапиталистические аргументы ортодоксального большевизма⁴¹. Тем не менее в марте 1929 г., даже лишившись официального прикрытия — нэпа, учёные-экономисты, составлявшие ядро аппарата Госплана, сохранили свои концептуальные подходы. Во-первых, они оставались приверженцами индикативного планирования. Во «Вступительном слове» Кржижановского это звучало недвусмысленно: «Пятилетний план не выливается в оконченную форму, его установки не должны иметь характера твёрдых цифр»⁴². Во-вторых, судя по докладу заместителя председателя Госплана Г.Ф. Гринько «Основные проблемы пятилетнего хозяйственного плана СССР»⁴³, не предусматривались какие-либо меры по форсированному обобществлению частного сектора в экономике. Обращает на себя внимание социальный раздел доклада, предложивший ряд мероприятий (например, сокращение продолжительности рабочей недели — с учётом укороченных предпраздничных и субботних дней — с 44,6 часа до 41,2). «Крупнейшим вопросом пятилетнего плана» называлось «обеспечение роста реальной заработной платы»⁴⁴.

Согласно проекту пятилетнего плана, строительство большинства крупных промышленных предприятий из числа тех, что реально войдут в строй за годы пятилетки, сочеталось с планами повышения энерговооружённости рабочего места (в среднем на 90%). Сооружение 22 крупных машиностроительных заводов по отправному варианту и 30 — по оптимальному рассматривалось как важнейшая задача. Важной особенностью проекта было то, что он является единым документом, построенным как в отраслевом, так и районном разрезе на основе 28 планов республик и крупных областей⁴⁵.

Ярче всего отношение госплановцев к нэпу, многоукладной экономике выражено в докладе главного специалиста Госплана М.М. Вольфа «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетие»⁴⁶. В нём отмечалось, что «основную роль (в деревне) будет играть масса индивидуальных хозяйств, и поэтому стимулирование бедняцких и середняцких хозяйств есть основа плана. Но они будут охвачены широким кооперативным движением»⁴⁷. Предлагаемый проект намечал умеренные темпы роста доли колхозов в товарной продукции села с 0,8 до 14,9% и совхозов — с 3,6 до 8%; при этом индивидуальные хозяйства сохраняли приоритетные позиции, даже сократив свою долю за пятилетие с 96,6 до 77,1%⁴⁸. Обоснованно звучали строки о необходимости «разделять кулака и крестьянина, поднимающегося вверх за счёт усвоения агрокультур и кооперации»⁴⁹. Большое значение придавалось землеустройству, содействию производителям в увеличении поголовья рабочего скота и снабжению простейшими орудиями и инвентарём.

Проект плана предусматривал рост товарной продукции сельского хозяйства с 2 990 млн до 5 300 млн руб. по отправному варианту и до 6 400 млн руб. —

⁴¹ Как ломали нэп... Т. 3. С. 6—17.

⁴² Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 17.

⁴³ Там же. С. 29—125.

⁴⁴ Там же. С. 103, 106.

⁴⁵ Там же. С. 46—56, 102, 180—193.

⁴⁶ Там же. С. 235—298.

⁴⁷ Там же. С. 296.

⁴⁸ Там же. С. 274.

⁴⁹ Там же. С. 296.

по оптимальному⁵⁰. Таким образом, при сохранении нэповской модели за счёт кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п. крестьянство могло нарастить товарную продукцию на 2,4—3,5 млрд руб. Расходы на небольшое повышение закупочных цен на зерно (на 5%)⁵¹, на закупки сельхозмашин окупались бы во многом за счёт оборотных средств кооперации (около 760 млн руб.). О возможностях кооперации говорил и такой факт: если в 1926/27 г. она имела в обороте собственных средств 36,5%, а заёмных — 63,5%, то спустя год — соответственно 63 и 37%⁵². Показательно и то, что стоимость сельскохозяйственного экспорта в 1926/27 г. — 292 млн руб. — была практически равна аналогичному показателю в 1930 г. (303 млн) и существенно превышала показатели 1931 г. (223 млн) и 1932 г. (81 млн)⁵³. Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства позволяло получить в виде налогов и займов 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд у «кулаков», 1,8 млрд у середнячества. Около 300 млн из этой суммы должно было быть перераспределено на укрепление бедняцких дворов⁵⁴.

Рост продукции мелкой промышленности (представленной в основном частными товаропроизводителями) примерно на 50% за пятилетие должен был сопровождаться максимально полным кооперированием мелкого производства (доля его продукции возрастала с 32,7 до 68% всей продукции мелкой промышленности СССР⁵⁵); его частичной электрификацией; налаживанием экономических отношений с крупными предприятиями, с одной стороны, и с массой ремесленников — с другой⁵⁶. Тем самым сохранялись налоговая база, насыщение рынка товарами широкого потребления, занятость населения.

За счёт займов у населения (добровольных по форме и во многом обязательных в реальности) планировалось привлечь 2,2 млрд руб. Ещё 1 млрд должна была дать эмиссия банковских билетов⁵⁷. Аккумуляция этих средств в руках государства выдвигала на первый план задачу рационального и умелого их использования. Вообще, риски финансового обращения оставались высокими. Уменьшить их масштаб должны были мероприятия по обеспечению рыночного равновесия⁵⁸, повышение рентабельности промышленных предприятий. Запланированное наращивание экспорта нефти и леса — главных статей советского внешнеторгового оборота конца 1920-х — начала 1930-х гг.⁵⁹ — могло компенсировать колебания показателей вывоза за рубеж зерна. Об этом же говорил нарком внутренней и внешней торговли А.И. Микоян на июльском пленуме ЦК (1928).

Тогда же он указал и на раздутый характер военной угрозы для СССР, сформулировав: «Мы преодолели трудности во внешней торговле, вызванные разрывом Англии с СССР. Английская промышленность и торговля пошли на то, чтобы

⁵⁰ Там же. С. 273.

⁵¹ Осенью 1927 г. предполагалось повысить цены на четыре основные культуры — рожь, пшеницу, овёс, ячмень — примерно на 5%, однако вместо этого в начале 1928 г. они были понижены на 3—5% (Как ломали нэп... Т. 1. М., 2000. С. 8).

⁵² Как ломали нэп... Т. 3. С. 199.

⁵³ Внешняя торговля СССР за 1918—1940. Статистический обзор. М., 1960. С. 18.

⁵⁴ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 159—161.

⁵⁵ Там же. С. 122.

⁵⁶ Там же. С. 88—89.

⁵⁷ Там же. С. 456—457.

⁵⁸ Там же. С. 109.

⁵⁹ Внешняя торговля СССР за 1918—1940... С. 14, 18, 67, 104.

сохранить англо-русскую торговлю... Мидленд-банк выдал СССР кредит на 100 млн руб., затем в момент разрыва снял его, затем восстановил, расширив его до 150 млн руб.». С 1928 г. советские заказы в Англии стали постепенно восстанавливаться⁶⁰. Тот факт, что даже коминтерновская деятельность не смогла прервать взаимовыгодных торгово-экономических отношений двух держав, наводит на мысль, что получению Советским Союзом внешних кредитов мешал не столько «антисоветский курс капиталистических стран», сколько нацеленность руководства ВКП(б) на активизацию революционного движения во всем мире и понимание страны Советов как «прообраза мирового СССР»⁶¹.

Как видим, проект пятилетнего плана, предложенный на пятом съезде госпланов, говорил о сохранении нэповской многоукладной экономики не как о самоцели, а как об адекватной экономической модели, способной решать действительно сложные и противоречивые задачи индустриализации.

В принципе такие установки не противоречили директивам XV съезда ВКП(б), предусматривавшим, в частности, сохранение кустарной и ремесленной промышленности («совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности»), индивидуального сектора в деревне⁶². Однако за прошедшее время изменилось слишком многое. Курс на дополнение экономических стимулов административным нажимом всё в большей степени подменялся «чрезвычайными мерами» в рамках «новой» политики Сталина⁶³.

Понимание целенаправленности критики «сверху» и её взаимосвязи с возможными «организационными выводами» определило внешнюю форму материалов пятого съезда. Их отличали подчёркнутый оптимизм в выступлениях, частое употребление ритуальных фраз о «социалистической реконструкции», заявления о «небывалом единстве всех плановых работников». «Ни на одном съезде не наблюдалось такой воодушевленной сплочённости среди плановых и хозяйственных работников, такого общего подъёма рабочего настроения. Устами многочисленных ораторов пятый съезд продемонстрировал... единство плановой мысли в основных и важнейших наметках пятилетки»⁶⁴, — такими словами открывалось «Предисловие» Кржижановского.

По-видимому, единство плановой мысли должно было наступить после того, как ведущие экономисты Госплана и авторы наиболее заметных статей журнала «Плановое хозяйство» 1926—1928 гг. — Базаров, Кондратьев, Громан — оказались за чертой приглашённых на съезд, а их статьи практически перестали приниматься к публикации. Между тем даже в советской историографии указывалось, что именно с Базаровым были связаны такие методологические приёмы планирования, как балансовые расчёты, метод вариативных приближений, конкретизация качественных установок, которые могли быть положены в основу планов, и т.п.⁶⁵ «Единство подходов к планированию», отмечал Кржижановский, позволяло прекратить дальнейшую дискуссию по разработке

⁶⁰ Как ломали нэп... Т. 2. С. 185—186.

⁶¹ Там же. С. 10.

⁶² Из резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» // Индустриализация СССР. 1926—1941 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 287.

⁶³ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. С. 160—161.

⁶⁴ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 9.

⁶⁵ Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 215.

пятилетнего плана. Причём мысль выражалась в примечательной форме: «Прения должны быть гильотинированы»⁶⁶.

Однако к концу 1920-х гг. восторгов по поводу революционных методов решения проблем у «старой» большевистской гвардии заметно поубавилось. Нэп принёс «отрезвление» умов той части большевиков, которая оказалась тесно связана с экономикой. Ответственность за результаты — суровая школа. Как следствие, совершенно иные оценки прозвучали во «Вступительном слове» Кржижановского. Дискуссия между сторонниками директивного управления, главным образом работников ВСНХ, и приверженцами индикативного планирования никуда не исчезла. «Вопросы пятилетки продолжают обсуждаться», но «мы идём как бы разрозненным фронтом. ВСНХ докладывал свой вариант пятилетнего плана на съезде профсоюзов»⁶⁷.

Глава Госплана отметил, что «при первом оглашении проекта пятилетки на первом съезде президиумов госпланов в марте 1926 г. представители ВСНХ не присутствовали». Кроме того, далеко не случайно «прения прошли совершенно незамеченными». Намёк на вмешательство работников ВСНХ, близких к сталинской фракции, довольно очевиден. Прозвучало и напоминание о том, что ещё более острым характером отличалась полемика на втором съезде, где обсуждался представленный Госпланом вариант пятилетнего плана. «Но каков был характер дискуссии? Если вы вспомните, в какой политической обстановке происходила эта дискуссия», — осторожно напомнил Кржижановский⁶⁸. Как известно, 1927 г. стал временем резко возросшей политизации всех сторон жизни советского общества, преследованием и осуждением внутрипартийной оппозиции, объединившей немало «старых» большевиков.

Тональность выступлений представителей ВСНХ на пятом съезде госпланов можно охарактеризовать как благодушную: «на фронте» количественных показателей одержана победа. Показательна речь Куйбышева: «Я бы считал более правильным (но на этом я не буду настаивать), чтобы был принят один вариант, при котором нас бы обязали сделать всё возможное для осуществления его в пять лет». Непривычный либерализм для члена Политбюро. Впервые за несколько лет руководитель ВСНХ похвалил работу конкурентов, заметив, что «оптимальный вариант Госплана — оптимум, предел того, что может быть достигнуто в этой пятилетке». Как видим, в марте 1929 г. атмосфера научного форума ещё заметно отличалась от настроения газет и научных журналов, полемики на пленумах ЦК, чисто внешне сохраняя черты академизма. Правда, внимательный слушатель мог обратить внимание на деталь: похвалив Госплан за завершение «проработки отправного варианта», докладчик всю последующую «большую работу по дальнейшей переработке пятилетнего плана» связал исключительно с ВСНХ⁶⁹.

Иерархия регулирования экономической политики выглядела стройно: Политбюро ЦК ВКП(б), управленческая структура (ВСНХ), экспертно-плановая организация (Госплан). Однако фасад «единомыслия», столь характерный для советского общества, как правило, скрывал переплетение противоречий и внутренних конфликтов. Не стал исключением и съезд плановиков. Так, выступление представителя ВСНХ Л.М. Сабсовича 12 марта 1929 г. началось с

⁶⁶ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 9.

⁶⁷ Там же. С. 15.

⁶⁸ Там же. С. 14—15.

⁶⁹ Там же. С. 368, 370.

лестных слов в адрес Госплана: «Я считаю, что та работа, которая представлена сейчас Госпланом на суждение съезда, является действительно громадным шагом вперёд». Однако, пояснил выступающий, продвижение произошло лишь постольку, поскольку «Госплан в значительной мере приблизился к последней установке ВСНХ» (!). После такого острого пассажа докладчик последовательно подверг критике все основные разделы проекта Госплана. «Неверной» была названа постановка двух вариантов пятилетнего плана. Если в начале доклада это утверждение Сабсович аргументировал недоработанностью варианта Госплана, то далее выдвинул завуалированные упреки в «минимализме» заданий, недоучёте «скрытых резервов» социалистической экономики. Универсальным средством, по мысли представителя ВСНХ, должно было стать «снижение себестоимости продукции». Это вызвало ироническую реплику Кржижановского: «Так что мы предложим Наркомату финансов — искать источники внутри себя?».

Сабсович предложил съезду бездоказательные пропагандистские клише: «Мы считаем, что социалистическая организация народного хозяйства имеет громадные преимущества перед капиталистической, поскольку она производительнее, дешевле, экономнее, и поэтому она неизбежно должна победить». Говоря о возможности за пятилетие на новых заводах «превзойти показатели производительности труда передовых капиталистических стран» и заодно поднять до европейского уровня быта в строящихся рабочих посёлках⁷⁰, докладчик словно не замечал, что днём ранее в выступлении заместителя наркома труда СССР, бывшего уральского рабочего И.А. Толстопятова говорилось об «ужасающей отсталости техники, низком культурном уровне рабочего класса», «огромной нищете» значительной части населения. Кроме того, заявив о систематическом невыполнении планов по охране труда («у нас за последние 3—4 года намеченная по плану сумма расходов на мероприятия по охране труда ни разу не была полностью израсходована, а только в пределах 70—75%»), Толстопятов прозорливо подчеркнул: нарастающая волна несчастных случаев, аварий и травматизма на производстве угрожает выполнению любых планов⁷¹.

Даже в тех случаях, когда критика проекта Госплана носила, казалось бы, конструктивный характер (например, представитель ВСНХ И.А. Краваль обратил внимание на заниженность расходов на техническую подготовку квалифицированных промышленных рабочих — 87 руб. в год или в 5 раз ниже, чем на курсах Центрального института труда), не исчезали обвинения в идеологических и методических ошибках. В данном случае — в «излишних усилиях» (!) по повышению доли квалифицированных рабочих⁷². В то же время работники ВСНХ поставили под сомнение целесообразность любой критики своего проекта⁷³.

В тени дискуссии хозяйственников и плановиков остались малозамеченными и выступление наркома финансов Н.П. Брюханова о тревожной взаимосвязи роста цен и нарастающей «сверхплановой денежной эмиссии»⁷⁴, и речи руководителей отраслевых профсоюзов о низком уровне механизации, тяжёлых жилищно-бытовых условиях, высокой текучести кадров.

⁷⁰ Там же. С. 458—465.

⁷¹ Там же. С. 401, 405.

⁷² Там же. С. 611.

⁷³ Там же. С. 589—590.

⁷⁴ Там же. С. 425—430.

В «Заключительном слове» Кржижановский говорил главным образом об успехах плановиков, стараясь обойти спорные сюжеты. Единственное, что смог позволить себе глава Госплана, это саркастическое замечание: «К оптимизму Сабсовича я отношусь с полным сочувствием»⁷⁵. Ради сохранения главного детища — двух проектов пятилетнего плана (оптимального и отправного) — стоило многое стерпеть.

Одобрённый съездом проект пятилетнего плана даже с учётом многократных поправок представлял собой реалистичный документ. Сохранение двух вариантов плана, «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации; понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов»⁷⁶ — всё это недвусмысленно говорило о стремлении сохранить многоукладную экономику (стержень нэповского периода) и совершить качественно новый индустриальный рывок, особенно в металлургии и машиностроении⁷⁷. Довольно смело в резолюции съезда звучали слова: «Модель пятилетки в настоящий момент может считаться завершённой»⁷⁸. Однако научный проект только вступил в зону идеологической турбулентности. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост экономики за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта 1929 г. президиумом Госплана отправной вариант предусматривал рост на 134,9%, а оптимальный — на 179%. Кроме того, вместо двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определённую гибкость хозяйственной политики, после недельного (26 марта — 4 апреля 1929 г.) обсуждения на объединённом заседании СНК и Совета труда и обороны СССР постановлением правительства от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один — оптимальный⁷⁹.

Длительность обсуждения указывает скорее на острую дискуссию в руководстве, чем на «единодушное» единство мнений, подчёркнутое в докладе А.И. Рыкова на XVI партийной конференции (вечернее заседание 23 апреля 1929 г.)⁸⁰. В пользу этого говорит и то, что в тот же день (23 апреля) завершил работу Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), осудивший взгляды «правых» в Политбюро (Бухарина, Рыкова, Томского), в том числе и по вопросу о темпах роста экономики. Однако, вынужденно признав «правоту партии» по экономическим вопросам (в сталинской интерпретации), Рыков не отказался от осуждения «чрезвычайных мер» в сельском хозяйстве: «Совершенно ясно, что никаких десятков миллионов пудов “чрезвычайные меры” нам не дали. Мы ввели и осуществили чрезвычайные меры ради получения очень ничтожного количества хлеба, такого количества хлеба, которое никакой не только решающей, но и вообще значительной роли играть в нашей стране не может»⁸¹.

Одобрение пятилетнего плана на XVI партконференции и на V Всесоюзном съезде Советов (май 1929 г.) предполагало «завершение напряжённой работы всех плановых органов страны». Тем не менее в июле—августе 1929 г. ЦК при-

⁷⁵ Там же. С. 644.

⁷⁶ Резолюции пятого всесоюзного съезда плановых работников // Там же. С. 3—5.

⁷⁷ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 45—53.

⁷⁸ Там же. С. 5.

⁷⁹ *Гладков И.А.* Указ. соч. С. 134, 138, 139; *История социалистической экономики.* Т. 3. С. 19.

⁸⁰ XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчёт. Апрель 1929. М., 1962. С. 9.

⁸¹ Как ломали нэп... Т. 5. М., 2000. С. 345—346.

нял ряд постановлений о дополнительном форсировании роста ряда отраслей промышленности. На этой основе в представленном в ноябре так называемом уточняющем варианте⁸² оказались сделаны явно нереалистичные исправления в сторону увеличения показателей. Этот вариант явился «типичным примером волевого планирования, без научного обоснования и экономической аргументации». Но и на этом деформации пятилетнего плана не закончились⁸³.

К марту 1929 г. труды экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер», уже подверглись критике. Вскоре после пятого съезда госпланов многим научным разработкам учёных надуманно придали характер «антисоветской деятельности». Обвинение в связях с группой сторонников эволюционного пути развития в руководстве партии и правительства⁸⁴ привело к аресту Базарова, Кондратьева и ряда других видных экономистов. Кржижановскому и его соратникам в 1930 г. пришлось покинуть Госплан; уделом их научной деятельности стали публикации в узкоотраслевых журналах. Для Куйбышева, возглавившего наряду с ВСНХ и Госплан, не осталось преград к неоднократному повышению количественных показателей. Однако время реального их выполнения пришлось уже на 1950-е гг.⁸⁵ Сравнение же итоговых показателей первой пятилетки и индикаторов проекта Госплана свидетельствует о реалистичности прогнозов учёных. Лишь некоторые результаты советской экономики в 1932 г. оказались близки к проектировкам отправного варианта плана⁸⁶.

Тем не менее кризисное состояние советской экономики в 1930—1932 гг. заставило новое руководство Госплана переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана в частности⁸⁷. В определённой степени это означало возвращение к материалам пятого съезда госпланов.

События марта 1929 г. свидетельствуют, что экономическая наука выдержала массированный удар со стороны власти и «связанных с ней незримыми узами» группы специалистов. Следует отдать дань уважения работникам Госплана, отстаивавшим свои взгляды и убеждения. В отличие от 1927 г. это уже приходилось делать в более осторожной, временами иносказательной форме. Стенографический отчёт съезда подтверждает: сторонниками сохранения многоукладной экономики выступали практически все ведущие экономисты страны⁸⁸.

На съезде по разным причинам мало затрагивались проблемы рентабельности предприятий госсектора, качество управления и регулирования в экономике, вопросы взаимодействия отраслей, судьба синдикатов и трестов и т.п. В то же время научная прозорливость ведущих советских экономистов того времени привнесла в мировую науку проекты долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, опыт балансового планирования, использованный при разработке пятилетних планов для увязки его разделов и показателей как в СССР, так и далеко за его пределами. «Поднятые проблемы и получаемые решения предвосхитили работу, выполненную западными эконо-

⁸² Гладков И.А. Указ. соч. С. 139.

⁸³ Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 325.

⁸⁴ Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. С. 42.

⁸⁵ Лацис О.Г. Перелом... С. 37.

⁸⁶ Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 327.

⁸⁷ См., например: Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 102—103.

⁸⁸ Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов... С. 28.

номистами, работавшими в той же области (в 1940—1950-х гг.) — но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций»⁸⁹.

Научное мужество госплановцев и близких к ним специалистов не позволило безоговорочно утвердиться пониманию плана как только «системы императивных указаний, варьируемых по воле правящей партии». Нельзя не отметить ещё одно важное обстоятельство: учёные, составлявшие гордость советской экономической науки, модернизацию (коренную реконструкцию) народного хозяйства СССР видели в русле мирного развития мировой экономики. По мысли Н.А. Ковалевского, без учёта и использования новинок научно-технического прогресса в странах Запада, «без критического сопоставления наших достижений к конечному периоду генерального плана с ориентировочными линиями развития и предполагаемыми достижениями стран капитализма за тот же период» СССР будет не в состоянии преодолеть отставание от передовых стран капиталистической системы⁹⁰. «Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для реализации Генерального плана, — писал В.А. Базаров, — и необходимо приложить все усилия для того, чтобы сохранить существующие отношения со странами капитализма такими же, как в настоящее время». Он категорически отвергал вариант развития СССР «в условиях национальной обособленности и борьбы за мировые хозяйственные ресурсы»⁹¹. Учёные-экономисты не исключали возможности войны против СССР, но фактически открыто заявили о возможности мирного сосуществования стран с различным социально-экономическим строем — почти за три десятилетия до того, как эту идею озвучили на высшем политическом уровне.

По сути, пятый съезд госпланов СССР стал вершиной дискуссий экономистов 1926—1929 гг.: научные взгляды сторонников многоукладной экономики обрели законченную форму. «Спуск с вершины» зачастую сопровождается особыми трудностями и человеческими жертвами. В данном случае можно говорить о понижении научного уровня советского планирования, по крайней мере, до конца 1930-х гг. По большому счёту, это был частный случай проявления внутрисполитического курса сталинской бюрократии, основанного на поисках (методом проб и ошибок) оптимальных методов управления. Но покорённые вершины не забываются. Оказалось возможным сузить и даже прекратить дискуссии экономистов, «гильотинировать» не только прения, но и выдающихся учёных. Однако никому не удалось перекрыть дорогу развитию научной мысли. Не секрет, чьи труды второй половины 1920-х гг. вошли в историю мировой экономической мысли.

Показательно и высказывание лидера китайской модернизации Дэн Сяопина (1985): «Наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР»⁹². В документах пятого съезда президиумов госпланов СССР, трудах советских экономистов второй половины 1920-х гг. содержался вариант создания постоянно меняющейся экономической многоукладной системы, включавшей как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в определённых хозяйственных формах, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

⁸⁹ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР... С. 25.

⁹⁰ Ковалевский Н.А. Указ. соч. С. 14—15.

⁹¹ Базаров В.А. Указ. соч. С. 15.

⁹² Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 413.

Таким образом, советские учёные и специалисты в течение 1926—1929 гг. подготовили вариант пятилетнего плана, позволяющий решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики. Он позволял избежать потери миллионов людей, инвентаря, лошадей, крупного рогатого скота; голода и хронического недоедания; широкомасштабного выпуска бракованной продукции и мн. др., что принесли коллективизация и форсированная индустриализация. Избежать человеческого горя и озлобления, потери стимулов к труду — всего того, что трудно измерить деньгами, но что имеет твёрдую историческую цену. Вопреки мнению ряда исследователей постсоветского времени⁹³, этот вариант пятилетнего плана нацеливал на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергал «невозможность спланировать развитие многоукладной экономики» из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков». Материалы пятого съезда не избавляли властные структуры от мучительного поиска решения вопросов об отношениях с научным миром, специалистами, представителями частного сектора, а также форм и методов привлечения капиталовложений. Однако они указывали вектор поиска.

⁹³ Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика... С. 28, 30.